

Автор:

Одинцов Максим Дмитриевич

учащийся

Руководитель:

Одинцова Ольга Александровна

учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное учреждение

«Средняя школа №12 имени Олега Кошевого»

Коми, г. Сыктывкар

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ...

(Воспоминания моего дедушки Курдюкова Александра Александровича)

Мой дедушка, Курдюков Александр Александрович, родился в 1936 году в семье простых колхозников Александра Васильевича и Ольги Львовны. Мама его родила поздно, в 43 года. Был любимым сынком. Детство проходило в родном поселке Кажим Койгородского района. Мама с папой постоянно были в работе. Александр Васильевич работал конюхом, а Ольга Львовна была рядовой колхозницей. Чтобы прокормить семью, зарабатывали трудодни в колхозе имени Куйбышева. А Шурка (так звали дедушку) рос озорным мальчуганом. За мальчиком присматривала старая бабушка Анна Максимовна, которая очень любила курить (однажды за осьмушку табака отдала золотое кольцо). Чтобы Шурка не безобразничал и был на виду, Анна Максимовна скручивала ему самокрутку и сажала рядом с собой (вот так рано, с 3-х лет, пристрастился дедушка к куреву. Слава Богу, сейчас не курит, давно бросил).

Война началась, когда дедушке было 6 лет...

Из воспоминаний: « Я пошел в школу в 8 лет, война уже шла полным ходом. Время было очень трудное и голодное. Мне, как учащемуся школы, выдавали хлебную карточку на 250 граммов в день и еще по 50 граммов дополнительно. В школе мы внимательно следили за ходом войны. Каждый день перед уроками на политической карте мы устанавливали красные флажки освобожденных территорий. Тетрадей для занятий не хватало, поэтому мы часто писали на газетах между напечатанных строк. Книги для чтения мы брали из библиотеки Клуба. После школы я брал саночки и шел в лес за дровами для дома, летом заготавливал сено.

Во время войны мой папа работал на чугунолитейном заводе горновым мастером в поселке Кажим. В зимнее время, когда я шел из школы, обязательно заходил на литейный двор, там было очень тепло от чугунной плавки. Чугунолитейный завод был построен еще во времена правления Екатерины Второй. До войны он не работал. Но в экстремальной ситуации заработала домна. Стране необходим был чугун. И каждый день в Кажим прилетал самолет и забирал чугун, который перевозили, по-видимому, на оборонный завод для изготовления снарядов.

Свободного времени было мало, но если выдавались минутки, то любили покататься на лыжах, коньках на пруду.

В 1941 году забрали на фронт мою сестру, Курдюкову Текуссу Александровну. Она была телефонисткой, тянула связь на передовую. В 1944 году пришло извещение, сообщающее, что моя сестра без вести пропала. Это была трагедия для семьи, мама вмиг поседела, но не верилось в такое, все ждали...

Однажды в майский день я возвращался из школы домой. Удивился: что за ликование? Весь поселок пел, танцевал. Долгожданная победа!!! А на радостях забыли про домну, работу которой необходимо было поддерживать

постоянно. Чугун застыл в печи. Позже разобрали печь, достали чугун. И с тех пор завод прекратил свою работу (на сегодняшний день Кажимский чугунолитейный завод - это интересное историческое сооружение, которое предано забвению, хотя попытки реанимировать были...)

И вот в 1946 году совсем неожиданно вернулась с фронта моя сестра. Я ее не узнал, потому что когда она уходила на войну, я был маленьким. Но когда она зашла в дом, я по всем правилам приличия ей предложил: «Ты, поди, исти хочешь? (ты, наверно, есть хочешь?)» (до сих пор эта фраза вспоминается нами).

Послевоенное время было тоже нелегким. Хотя мне было 10-12 лет, я работал в колхозе (помогал маме): пахал, бороновал поля. За это мне ставили трудодни. Оплату производили в основном сеном. В 18 лет окончил автошколу и работал на строительстве кажимской плотины. В 1955 году был мобилизован в армию.

Много трудностей пережило наше поколение, но не озлобилось, не очерствело. «Времена не выбирают – в них живут и умирают». Думаю, что у меня было счастливое детство, хотя мы и не знали ни компьютеров, ни другой современной техники. Главное – мы были все дружные, веселые. Уважали взрослых. Очень любили и любим Родину!»

Автор:

Габушева Дарья Сергеевна

учащаяся

Руководитель:

Одинцова Ольга Александровна

учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное учреждение

«Средняя школа №12 имени Олега Кошевого»

Коми, г. Сыктывкар

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ...

(Воспоминания моего дедушки Габушева Ивана Ильича)

В 1941 по 1945 годы по нашей стране прошла ужасающая и беспощадная Великая Отечественная война. Это событие коснулось каждую семью в нашей огромной стране, и у каждой семьи имеется своя печальная история. Сейчас я хочу вам рассказать историю в период военного времени своей семьи из воспоминаний моего дедушки Габушева Ивана Ильича и его матери Анны Павловны, которые проживали в селе Турья Княжпогостского района.

Девятый месяц продолжалась Великая Всенародная война с немецко-фашистскими захватчиками. За это время из села Турья и окрестных деревень ушла на фронт не одна сотня мужчин разных возрастов. Матери, жены, дети оплакивали похоронки, приходящие с фронтов. Прибывали с фронта и первые мужчины, которые были инвалидами, безногие, безрукие, искалеченные войной. На улице стояла лютая стужа, самые что ни на есть крещенские морозы.

Анне Павловне в эту ночь не спалось, в голове путались разные мысли: о детях, о муже, от которого уже второй месяц нет письма, а главное - как перезимовать без помощи мужа, без денег, не рассчитывая на какую-либо помощь со стороны. Ни дедушек, ни бабушек нет. Помощи ждать неоткуда. Своя мать давно лежит на погосте, а в соседней деревне Кони доживает больной отец с невесткой-вдовой, у которой остались четверо детей. Анна Павловна оказалась совсем одна, брошенная на произвол судьбы в эти страшные годы, когда на руках у неё было двое детей, и третий вот-вот должен был появиться.

Анна вздрогнула и тут же почувствовала толчки в животе, которые сопровождались невероятной болью. «Пора, пожалуй, идти в фельдшерско-акушерский пункт. На исходе девятый месяц, не ровен час, начнутся роды, без помощи погибну, дети останутся сиротами», - подумала она. Не мешкаясь, она слезла с печи, оделась, опоясалась потуже старой шерстяной шалью, поправила одеяла на спящих детях, которые спали на деревянной кровати. В это время старшей дочери Галине было уже девять лет, а младшему Володе три. Подумав о чём-то о своем, Анна перекрестилась перед образом Параскевы Пятницы, глянула на настенные часы: они показывали четыре часа утра. Медлить было нельзя, каждая минута очень дорого стоила, а нужно было ещё очень много сделать перед уходом.

В доме было безумно холодно. Она затопила две печки: русскую и малую печь, которая была сделана её мужем из листового железа. Хорошо, что дрова были уложены в печи еще с вечера. Сварила лепёшки детишкам из картофеля и овсяной муки. Заварила чай из листьев брусники и чёрной смородины. Занесла в хлев охапку сена для овец и козы. Из хлева в дом она уже добиралась с трудом, иногда опираясь на стену здания, становилось всё хуже. Войдя в комнату, она собрала необходимые вещи: полотенца, одеяльце, простыни - всё завязала в узел. Надо было спешить. Разбудив дочь Галину, дала

наказы по уходу за Вовой, по хозяйству и ещё велела передать колхозной звеньевой тёте Дуне, чтобы та обязательно утром на работе предупредила, что сегодня мама не сможет прийти на работу, так как она находится в больнице.

Перед самым выходом Анна Павловна перекрестилась перед образом Христовым и отправилась в путь. Фельдшерско-акушерский пункт находился примерно в пятистах метрах от дома. Времени было около семи часов утра. Дверь родильного заведения была заперта. Анна отчаянно постучалась в дверь, в груди появилась тревога. Вскоре в густом холодном тумане появилась здешняя санитарка Сима, женщина средних лет, она и приняла роженицу в приёмном покое, оказала помощь по всем медицинским правилам, уложила на кушетку. Сима рассказала, что акушерка-фельдшер Анна Гавриловна, единственная на шесть населенных пунктов, вчера уехала в другую деревню, когда приедет в медпункт - не знает. Тем временем у роженицы начались острые схватки. Санитарка быстро нагрела воду, благо хорошо топилась плита, приготовила всё необходимое для принятия родов. К часам одиннадцати утра на свет появился малец, о чем известил своим криком только что вошедшую в медпункт акушерку.

Для Анны Павловны эти роды в свои неполные тридцать четыре года были шестыми. С мужем Ильёй поженились рано, (ей было восемнадцать, ему девятнадцать), а вот с детьми не везло. Первенец Степан, родившийся через год после свадьбы, умер от пневмонии; девочки, родившиеся в разные годы до войны, Мария и Александра, покинули родителей, не прожив и года. Главные причины смерти – отсутствие квалифицированной медицинской помощи.

Анна Гавриловна-акушерка, проведя осмотр роженицы и ребёнка, сказала, что в общем все прошло неплохо, их состояние здоровья не вызывает никаких опасений, но сутки им обязательно нужно отлежаться в больнице. Под вечер в медпункт навестить маму и братика пришли дети, Галина и Володя. Увидев маму, они кинулись к ней обнимать, сначала не обращая внимания на

сверток, лежащий на кушетке возле мамы. Но Анна Павловна указала им на него. Дочь Галина быстро сообразила, что это её новорожденный братик. Осторожно, очень аккуратно дотронулась пальчиком его личика. «Спит?» - спросила она. «Да, - ответила мама. - Недавно покормила». «А как его зовут?» - спросил трехлетний Володя. А Галя тут же без раздумий ответила: «Иваном! Правда, мам?». «Я согласна, пусть будет у нас Иван. Вчера был большой праздник – День крещения Господня, а сегодня день крестителя Иоанна – Ивана. Кроме этого, ваш дед, который давненько помер, Царствие ему небесное, тоже звали Иваном», - объяснила мама. Так в медпункте в семейном кругу решили быть новорожденному Иваном – Иваном Ильичом Габушевым.

Галина (она уже училась в третьем классе) сказала тут же, что напишет вечером отцу на фронт о том, что у них появился братик Ваня.

Следующим холодным январским утром Анна Павловна с новорожденным возвратилась домой. Первой помощницей во всех бытовых делах в доме была дочь Галина, не по возрасту умная, трудолюбивая, хорошо училась в школе, несмотря на то, что часто приходилось ей пропускать уроки, ведь ей надо было помогать маме ухаживать за Вовой, а теперь нянчиться с Ваней.

На пятый день после родов в дом Анны Павловны пришла колхозная звеньевая Дуня (девушка лет двадцати пяти), поздравила хозяйку с рождением сына, справилась о её здоровье. А потом умолкла на минутку, вроде о чём-то задумалась. Анна спросила, не случилось ли с ней какая-то беда. На что Дуня ответила: «Пока ничего, но эта война принесла беду в каждый дом. Колхозное начальство, председатель сельского совета, уполномоченные райисполкома требуют неимоверной, бесперебойной работы всех звеньев, бригад, ферм, особенно на вывозке кормов с дальних участков Верхнего Пожега и с Омына. Правление колхоза обязало меня до первого марта вывезти всё село с этих участков, пригрозило судом в случае неисполнения. Это требование военного

времени! Если хотите - это приказ Сталина! А людей у меня на пять саней, а надо не менее десяти, да и то эти люди ненадёжные, председатель колхоза лично составил список возчиков сена, включая и тебя, и притом утвердили на заседании правления,» – рассказывала звеньевая. «Да, я тебя понимаю, время военное, ответила Александра Павловна, но смогу ли я? Ведь ехать на верховья Пожега по снежной целине не менее трёх суток, местами по речке, везде полыньи, нужны хорошие лошади, был бы хоть один толковый мужчина».

Через день снова пришла звеньевая, вручила письменное распоряжение за подписью председателя колхоза: «Колхознице Габушевой А. П. о вывозе сена с 25 января 1942г.». Это был приказ властей, надо его выполнять беспрекословно.

Днём из сарая занесли и установили в жилище люльку-зыбку, на дно положили ватное пальто, поверху – мохнатую собачью шкурку и пелёнку из самотканки. Это и стало местом обитания для крошечного Ваньки, по крайней мере, на полтора-два года, если, конечно, выживет. А опасений на этот счёт не могло не быть. Сомнения были, во всяком случае, в глубине души у самой Анны Павловны, матери ребёнка. Ведь это первая тройка детей, появившаяся на свет в лучшие годы их семейной жизни довоенной поры. Казалось бы, имели всё для того, чтобы расти и развиваться. Сейчас же положение безвыходное, тупиковое. Она одна, полное отсутствие продуктов питания, денег, дров, нет ни дородовых, ни послеродовых выплат от колхоза, от государства же никакой социальной поддержки колхозникам и их детям, как будто колхозы были отделены от государства. Члены колхоза должны были платить натуральные налоги десятками наименований. Эти налоги, как и сама война, висела как «дамоклов меч» над головой женщины и её детей. Неоднократно приходили налоговые агенты, предупреждали, что в следующий раз в случае неоплаты налогов будет описан дом и имущество.

На долгие раздумья времени не было. При всех трудностях, невзгодах завтра с утра Анна должна была отправиться на конных повозках на доставку сена из дальних участков Верхнего Пожега, а детей оставить одних, об этом более всего болела материнская душа.

Потом такие отлучки от семьи, то есть от детей, были довольно частые. На прямой вывозке сена она трудилась до апреля, пока не вывезли всю массу кормов.

Но этот первый раз оставил память на всю жизнь. Легко ли оставить малолетних детей, в том числе и новорожденного, на несколько дней без присмотра взрослого человека. Трескучие морозы наблюдались в это время года. Старая крестьянская изба в четыре стены с большой русской печью, да ещё с печкой-временкой, надо заправлять их дровами, вовремя закрывать вьюшки, готовить пищу, кормить малышей, стирать, сушить, менять пелёнки, убирать, носить воду из-под горы, которая находилась на приличном расстоянии от дома. Масса других хозяйственно-бытовых обязанностей, которые не совсем под силу даже взрослому человеку. Уходя на работу, Анна Павловна оставляла все домашние заботы десятилетней дочери Галине.

Когда уже возвращалась на третьи сутки в родное село, Анна услышала громкий звон колокола местной церкви (ведь служба была запрещена в тридцатые годы), это означало, что где-то пожар. Материнское сердце и нервы были в таком напряжении, что она упала в обморок, подумав о самом худшем, что это могло быть с её домом, с её детьми. Но вскоре проезжающие мимо нее возчики, которые ехали в обратном направлении, сказали, что был пожар в колхозном овине, но его уже потушили. Тревога немного отошла, но стремление увидеть детишек живыми, неокоченевшими в холодной избе подхлёстывало торопиться и ехать побыстрее.

Войдя в избу, Анна Павловна увидела сидящую на детской скамеечке дочурку Галину, держащую на руках завернутого в старую овчинную шубку

малыша Ваню, а во рту он держал самодельную соску из бараньего рога. Галину выдавало уставшее, осунувшееся за эти дни проплаканное лицо, а рядом с ней сидел в пальтишке и в шапке с бледным и грязным от слёз лицом Володя. «Живые?!»- произнесла негромко Анна и бросилась обнимать детей, приняла из рук дочурки малыша и приложила к груди.

О том, как дети прожили трое суток без матери, Анна узнала из рассказов Галины, а также их соседки Елены Тягиновой. Судьбы у женщин похожие, только Елена уже стала вдовой с тремя детьми на руках. К её счастью, дети были уже не такие маленькие, как у Анны.

Галина рассказывала, что в школу в эти дни ходить не могла, спать не ложилась, подрёмывала возле люльки, Ваня часто плакал, иногда надрываясь, боялась, что что-то случилось, от беспомощности плакала сама, от этого начинал хныкать и Володя. На второй день кончилось молоко в банке, на исходе были дровишки, топила Галина только большую печь, от этого в доме было холодно. В подполье на стенах появился иней, частично перемерзла картошка. В один из дней, когда Галина несла воду из колодца, ей навстречу попала соседка Елена, она поинтересовалась, как Галина справляется с хозяйством одна. Ответила, что как-то справляется потихоньку, только вот молоко кончилось, Ваня почти всё время плачет. Девочка робко попросила, не могла ли тётя Лена где-то найти им молока, хотя бы стакан или даже полстакана. «Скорей бы уже возвращалась мама», - сказала, вздохнув, маленькая собеседница.

Молоком соседка Лена помогла, у самой корова ещё не отелилась, нашла у знакомых пол-литра, велела Гале прокипятить, прежде чем дать Ване. Конечно, это было для ребёнка большим подспорьем на сутки. А сегодня с утра снова было кормить нечем. Но, Слава Богу, все остались живы, и Анна Павловна была безмерна рада.

На завтра она у колхозного бригадира попросила отгул. Десять дней отроду Ивану. Протопив жарко баньку, Анна пропарила и помыла всех детишек, а Ваню помыла в деревянном корыте, приговаривая при этом святые, духовные слова: « Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...», вспомнила крестителя Ивана, попросила у Бога здоровья детям и скорейшего возвращения отца и мужа Ильи.

По истечении ещё десяти дней Ваню определили в дневной колхозный приют (ясли). Это дало возможность Галине не пропускать занятия в школе, хотя она была по-прежнему вынуждена нянчиться с ребёнком.

Однажды глубокой ночью, прибыв с очередной поездки за сеном с дальних участков, сидя на печи с ребёнком у груди, задремала Анна. Она услышала ужасной силы обух топора об стену дома со стороны сарая, что вдребезги разбилась и посыпалась на пол вся посуда со стеллажа. Она испуганно вскрикнула, на свой крик она очнулась, уложила ребёнка и быстро спустилась с печи посмотреть на случившееся. Но посуда была на месте. Галя тоже проснулась, видимо, от крика матери и пугливо спросила: «Мам, что-то с Ваней случилось?». Мать успокоила её.

На работе Анна Павловна рассказала о страшном сне женщинам, которые с ней работали, они рассудили, что это не к добру. В один из последних февральских дней, когда Галя шла в приют за братишками, девушка-почтальон вручила её конверт с письмом, но он явно не был с фронта от отца. Это она поняла сразу. Осторожно распечатала, вынула полоску листа шириной с ладонь и начала читать: « Извещение Габушевой А. П. о том, что Ваш муж Габушев Илья Иванович, выполняя свой долг по защите Отечества 7.01.1942 года, пропал без вести...». Понимая по-взрослому своим детским нутром всю тяжесть случившегося, она горько зарыдала, вся в слезах, не замечая прохожих, бежала к матери, которая в тот день работала на колхозной ферме.

В семье горе было невосполнимое, но ещё теплилась надежда. И этот «авось» иногда успокаивал Анну и детей, но ожидания были тщетны.

Бывало, когда Анна и дети оказывались в тяжелейшем материальном положении, в сердцах поругивала мужа, что сам пропал, да ещё детишек лишил куска хлеба, оставил их без денежного пособия, от колхоза же ждать помощи было бесполезно. Хотя Анна Павловна в прошлом году заработала триста пятьдесят трудодней – это механизм возможного для женщины-колхозницы аванса, который она получала в виде двадцати пяти килограммов неочищенных зерновых. На исходе первого квартала нового года о каких-то расчётах со своими членами сельхозартели и разговоров не вели вообще, так как вся продукция, которая была получена за год, ушла на фронт в виде госпоставки. «Колхоз ещё и остался должником, в закромах пусто, делить нечего», – объявило начальство хозяйства.

Да и по тогдашним законам войны, пропавшие без вести на фронте, приравнивались к врагам страны. Их дети были лишены права пенсионного обеспечения за отца, получения других материальных вознаграждений от государства. За всё надо было платить: за посещение яслей, детского сада, за учёбу в школе с восьмого класса.

Ваня пробыл с прерываниями в приюте, а потом в детском саду около трёх лет (из-за отсутствия средств на оплату услуг дошкольного учреждения). В дальнейшем было приказано больше не появляться в садике, а долги взыскать с доходов семьи.

Долгие дни и вечера, когда сестра и брат были в школе, а мать на работе, Ваня время коротал дома один, иногда поплакивая, засыпал, с нетерпением ожидания их прихода. В весенне-летнее время, когда это было возможно, мама брала мальчика с собой на работу.

Прошли годы, Ваня пошёл в подготовительный (тогда говорили «нулевой») класс, учился старательно, за четвертый класс сдал все экзамены на «пятёрки». Был пионером, в восьмом классе вступил в комсомол. Сестра Галя и брат Володя по окончании восьми классов уже работали за пределами района.

Анна Павловна по-прежнему работала в колхозе телятницей, дояркой, а конюхом работал Ваня, все свои летние и зимние каникулы отрабатывал на колхозном производстве, чаще помогал матери, работал и самостоятельно.

Как-то летом, в разгар сенокоса, он запрягал лошадей к сенокосилке (дело это было довольно сложное и требовало немалой силы). Ваня попросил помощи у одного паренька приподнять и придержать на весу дышло установки, чтобы успеть затянуть постромки. Вместо парня подошёл бригадир полеводства, мужчина лет двадцати пяти, и спросил: «Иван, тебе сколько лет?». Он ответил, что ему четырнадцать. «Четырнадцать! Так ты же мужик, а ещё просишь помощи. И вообще пора бы уже начать привыкать работать без помощи», - заметил бригадир. В те времена считалось вполне законным, если у колхозника есть дети, которые могли держать в руках орудия труда, то они автоматически становятся полноправными колхозными работниками. Без письменного разрешения правления колхоза не выдавали паспорта, не имели права покинуть село, то есть колхоз на срок более десяти дней.

Несмотря на препоны, чинимые колхозным чиновничеством, после окончания восьми классов Ваня поступил в воркутинское горнопромышленное училище и успешно окончил его, работал в шахтах комбината «Интауголь». По достижении девятнадцати лет добровольно, по письменному заявлению, был призван на службу в Советскую Армию – пограничные войска. Затем опять учился в сельскохозяйственном техникуме, а в возрасте тридцати лет закончил Петербургскую Высшую Партийную Школу. Что же насчёт Володи, то он стал военным, многие годы работал в МВД. Галя же всю свою жизнь проработала в магазине.

Рано, в пятьдесят три года ушла из жизни Анна Павловна, мама Ивана Ильича, из-за сильной болезни. Давно уже нет в живых его второй матери – Галины, а совсем недавно ушёл из жизни и брат Володя.

Иван Ильич Габушев – мой дедушка по материнской линии. Я горжусь своим дедушкой. Очень люблю, уважаю его. И это не простые слова. Хочу от души поблагодарить Ивана Ильича за помощь, терпение и за ту бесценную информацию, которую он мне передал.